БАЛЪ У ЛАРИНЫХЪ.

Панно Е. Самонишъ-Судковской.



Мазурка раздалась. Бывало,
Когда гремѣлъ мазурки громъ,
Въ огромномъ залѣ все дрожало,
Паркетъ трещалъ подъ каблукомъ,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, какъ дамы,
Скользимъ по лаковымъ доскамъ.

. . . .

Буяновъ, братецъ мой задорный,
Къ герою нашему подвелъ
Татьяну съ Ольгою; проворно
Онѣгинъ съ Ольгою пошелъ;
Ведетъ ее, скользя небрежно,
И наклонясь ей шепчетъ нѣжно...

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

ЖУРНАЛЪ „КРАСИВОЙ ЖИЗНИ“

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

въ Петербургѣ	11 руб. 50 коп.
въ Россіи	12 руб. 50 коп.
за границей	40 франковъ.

Отдѣльный номеръ—85 коп., съ пересылкой 1 руб.

Выписывающіе изъ редакціи для ознакомленія одинъ №, при подпискѣ скидывается 85 коп.

РЕДАКЦІЯ

Каменноостр. пр., 59, кв. 18. Тел. 211-76 и 145-25, телегр. адресъ: Стиус—Петербургъ.

Отдѣльные номера у газетчиковъ не продаются—только въ больш. книжн. магаз. и кіоскахъ жел. дорогъ.

Подписка принимается: 1) С.-Петербургъ, Невскій, 52, Контора „Новаго Времени“ и „Вечерняго Времени“, 2) Въ больш. книжн. магаз. и 3) Каменноостр. пр., 59, кв. 18.

Объявленія (съ цензурой редакціи)—по 80 коп. строка нонпарели ($^{1}/_{4}$ часть ширины страницы).

Цѣлая страница—400 руб.; меньше $^{1}/_{16}$ стран. объявленія не печатаются.

Можно печатать любыя, самыя тонкія клише. Цвѣтная печать—цѣна по соглашенію, въ зависимости отъ рисунка.

№ 5 выйдетъ 1-го марта 1914 года.

Первый номеръ отпечатанъ двумя изданіями и полностью разошелся. Хотя 2-го января было объявлено, что подписка принимается только безъ № 1, но, въ виду многихъ запросовъ, первый № будетъ отпечатанъ еще однимъ изданіемъ и разосланъ подписчикамъ съ № 5.

Послѣ 1-го марта подписная цѣна будетъ повышена.



СТОЛИЦА И УСАДЬБА



№ 4. ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ. 15 ФЕВРАЛЯ 1914 г.

Л. Н. Толстой съ сыномъ Львомъ Львовичемъ (въ 1903 году).

(Фотогр. гр. Л. Л. Толстого).

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ МОЕГО ДНЕВНИКА 1903 ГОДА.

(9-ое марта).

И вотъ, я опять въ Ясной Полянѣ...

Подъѣзжая къ старой усадьбѣ, какъ всегда, сердце мое забилось сильнѣе и я чувствовалъ, что то, что это случалось со мною, было уже первымъ шагомъ къ обновленію души и тѣла.

Отца засталъ въ залѣ за столомъ съ очень свѣжимъ, здоровымъ лицомъ.

— Здравствуй, голубчикъ, — сказалъ онъ, и мы обнялись, и я пожалъ его худую руку.

Я никого на свѣтѣ не люблю больше его и никто на свѣтѣ мнѣ не ближе всячески.

Мы понимаемъ другъ друга съ отцомъ съ первыхъ словъ, съ намековъ, и мнѣ дорого теперь, что я съ нимъ снова тотъ же, что былъ когда-то, въ періодъ нашей дружбы.

Я спросилъ его, какъ онъ себя чувствуетъ. Онъ сказалъ, что хорошо послѣдніе дни, а что недавно болѣла печень.

Мы долго говорили въ залѣ о разныхъ вопросахъ. Отецъ сталъ разспрашивать меня о моей больной женѣ.

— Неужели твоей женѣ давали дигиталисъ? — спросилъ онъ испуганно, когда я сказалъ ему объ этомъ.

Я сказалъ, что давали, но въ небольшихъ дозахъ.

— Мнѣ дигиталисъ и лѣкарства испортили сердце, — сказалъ отецъ, — раньше не было того, что теперь.

— Просто старость! — замѣтила мать, сидѣвшая тутъ же.

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказалъ отецъ, — раньше никогда не было того, что теперь случается. Иду, и не могу дальше... Слабость, слабость ужасная... долженъ сѣсть.

— Ахъ, эти доктора, — продолжалъ отецъ грустно — вертятся все около того же. Вотъ, напримѣръ, каломель. Въ моемъ дѣтствѣ онъ считался полезнымъ и его давали. Потомъ сочли вреднымъ и перестали давать. Теперь опять даютъ!.. Тоже самое съ другими лѣкарствами...

Перешли къ вопросу о вегетаріанствѣ, стали говорить о Зеленковыхъ и вегетаріанскомъ обществѣ въ Петербургѣ, потомъ о Пауло Трубецкомъ, тоже вегетаріанцѣ.

— Все хорошо у Трубецкого, — сказалъ отецъ, вспоминая его скульптуру, — и извозчикъ, и дѣвушка, и даже мой бюстъ. Фотографія всегда вѣрно показываетъ, хороша ли скульптурная вещь или картина.

Я разсказалъ отцу о моихъ бесѣдахъ съ моимъ другомъ Пауло и о томъ, что я совѣтовалъ ему стараться выражать больше духовной, внутренней сущности жизни въ его вещахъ и что онъ съ этимъ не соглашался, говоря, что довольно изображать природу, какова она есть. Отецъ вспомнилъ о картинѣ Рѣпина „Какой просторъ" и попросилъ принести номеръ „Новаго Времени", въ которомъ эта картина была воспроизведена.

— Господи, какая глупость, — сказалъ онъ, — удивительно! И какъ такой прекрасный художникъ можетъ писать такія глупости?! Я такъ люблю Рѣпина, но не могу этого не сказать...

— И у студента совсѣмъ не русское лицо, — сказалъ онъ, разглядывая картину, — и она какая-то жеманная.

Стали говорить о нелѣпой исторіи съ картиной Бунина. Я сказалъ, что возмущался и говорилъ всѣмъ въ Петербургѣ, что меня удивляетъ равнодушіе, какъ допускаютъ такія вещи.

Отецъ молчалъ. Я разсказалъ, какъ изображена его фигура на полотнѣ Бунина, и онъ добродушно расхохотался вмѣстѣ со всѣми нами. Потомъ онъ вспомнилъ о письмѣ какого-то народнаго учителя къ нему, въ которомъ учитель писалъ объ одной изъ моихъ статей въ „Новостяхъ" и которую учитель хвалилъ.

— Это, должно быть, пріятно тебѣ, — сказалъ онъ.

Я отвѣтилъ, что мнѣ это безразлично, что меня ругательски ругаютъ очень часто и что мнѣ это тоже безразлично.

— Ну, нѣтъ, — сказалъ отецъ съ недовѣріемъ, — это не можетъ быть безразлично! Надо притупиться къ этому — это такъ.

Но я искренно повторилъ ему, что мнѣ это безразлично потому, что разъ я написалъ и напечаталъ что-нибудь, то тутъ мнѣ все равно радоваться или огорчаться на мнѣнія другихъ, потому что мнѣній этихъ столько и всѣ они такъ различны, что невозможно интересоваться ими. Судья — наша совѣсть, остальное безразлично.

Отецъ спросилъ меня о моей народной пьесѣ „Швейцаръ генеральши Антоновой" или „Безъ корня", которую я посылалъ ему зимой на прочтеніе и о которой онъ далъ мнѣ хорошій письменный отзывъ

... „Моей матери ставьте памятникъ рядомъ съ отцомъ"...

(Фотогр. гр. Л. Л. Толстого).

Спросилъ, поставлена ли она? Я сказалъ, что нѣтъ еще и что я отдалъ ее на конкурсъ Петербургскому Лит.-Худож. Обществу, передѣлавъ кое-что и выкинувъ старика Прокофія, который былъ похожъ на Акима во „Власти тьмы“.

— Нѣтъ, онъ тоже былъ нуженъ,— сказалъ отецъ,—это жаль!.. Вѣдь всегда что нибудь, у кого нибудь украдешь. Вонъ, я читалъ Буренинскія „Стрѣлы“. Какая умница. Необыкновенно! Точно я у него укралъ моихъ чертей въ легендѣ. И какъ это цензура пропустила? И какой онъ мастеръ на стихи... Тамъ есть пародія на Некрасова: просто прелесть...

И, въ сущности Буренинъ, одинъ изъ самыхъ большихъ либераловъ. Пишетъ въ консервативной газетѣ, но самъ онъ крайній, да еще какой!..

Разговоръ перешелъ къ „Новому Времени“.

— Оно было бы ничего, если бы не двѣ его главныя ошибки, — сказалъ отецъ:—одна ошибка—это отношеніе къ Финляндіи, другая—отношеніе къ евреямъ. Остальное, пожалуй, можно простить. А національная гордость, патріотизмъ — вотъ что ужасно!..

Отецъ перешелъ опять къ Буренину.

— Да, это, несомнѣнно, умный человѣкъ въ Петербургѣ, вотъ и Горькаго онъ одинъ только посмѣлъ не хвалить. Хвалятъ его послѣдній разсказъ. Плохо... Ничего хорошаго.

Разговоръ перешелъ къ Розанову, который недавно посѣтилъ Ясную Поляну.

— Я сказалъ Розанову двѣ вещи, — говорилъ отецъ:—„первое, что меня очень удивило, что онъ на вопросъ, каковы были его религіозныя вѣрованія, не могъ дать мнѣ опредѣленнаго отвѣта, и второе—что онъ пишетъ очень хорошо, но бѣда въ томъ, что въ его писаніяхъ ничего понять нельзя!

Отецъ былъ пораженъ его малой образованностью. „Онъ ничего не читалъ, онъ даже хорошенько не прочелъ „Въ туманѣ“ Андреева, о которомъ самъ же писалъ!..“

Стали говорить о религіозно-философскомъ обществѣ въ Петербургѣ, къ которому отецъ относился скептически. Потомъ о священникѣ Петровѣ.

— Борьба съ ложью не допускаетъ борьбы только съ одной ея стороны,— сказалъ отецъ,—надо бороться или со всей ложью, или совсѣмъ не бороться. Это, какъ наводненіе... Въ Петербургѣ, напримѣръ. Если защищаться отъ воды плотиной и оставить только одну маленькую щель, вода пройдетъ черезъ эту щель и зальетъ собой весь городъ... Тутъ шутить нельзя.

Пока я сидѣлъ у отца, мать принесла свои фотографіи и стала показывать ихъ намъ. И, глядя на моихъ стариковъ-родителей, мнѣ было радостно видѣть ихъ бодрыхъ и занятыхъ, трудящихся вмѣстѣ, дружныхъ болѣе, чѣмъ прежде...

Матери моей ставьте памятникъ рядомъ съ отцомъ, потому что безъ нея онъ не былъ бы собой.

Графъ Л. Л. Толстой.

... „Иду... и не могу дальше“...

(фотогр. гр. Л. Л. Толстого).



Чтожъ почту не несутъ?—Свѣтло въ просторномъ залѣ...
Я жду письма и вспоминаю Васъ —
Какъ вѣрно Вы тогда сказали,
Что сблизитъ насъ разлуки часъ...
Я Васъ люблю сильнѣй... Быть можетъ, завтра, скоро
Мы встрѣтимся опять, какъ встрѣтились вчера...
Да, или нѣтъ?.. Гадаю на узорѣ
Стариннаго, персидскаго ковра—
Выходитъ да!.. Кругомъ одно молчанье,
Порой протяжный трескъ печей —
И хорошо мнѣ здѣсь съ моимъ воспоминаньемъ
И тихой радостью моей...



М. фонъ-Эссенъ.



ПАНУРОВКА,

ИМѢНІЕ І. М. МИКЛАШЕВСКАГО.

I.

18-го октября 1815 года въ письмѣ своемъ къ сенатору Михаилу Павловичу Миклашевскому гр. Н. П. Румянцевъ говорилъ:

— „Я самъ тужу, что не засталъ Ваше Превосходительство въ прекрасномъ селеніи Вашемъ, и котораго, позволительно сказать, не въ правѣ хижиной называть. Въ чужихъ даже государствахъ, гдѣ болѣе пріобыкли, чѣмъ у насъ къ хорошимъ зданіямъ и по правильной архитектурѣ украшать городскія усадьбы — *немного таковыхъ, какова ваша*.

Прельщался я домомъ, а также радовался я заведенной вами фабрикѣ; усадьба ваша, конечно, и по цѣлому государству *одна изъ лучшихъ*; кто любитъ отечество свое и видитъ устроеніе Ваше, съ удовольствіемъ замѣтить долженъ, что, когда Вы изволите ему служить отлично, какъ сенаторъ, еще о пользѣ его печетесь, какъ помѣщикъ"...

Первыми строками этого письма канцлеръ нисколько не думалъ польстить вкусу владѣтеля Пануровки и строителя его дома. Графъ Н. П. Румянцевъ, строитель многихъ первоклассныхъ построекъ въ своей усадьбѣ, въ Гомелѣ, вовсе не могъ впасть въ пристрастіе. Его собственный богатѣйшій дворецъ по красотѣ, конечно, во много разъ превышалъ, Пануровскій домъ.

„Пануровскій домъ", говоритъ біографъ М. П. Миклашевскаго, Чижовъ,—„точно не можетъ не обратить на себя вниманіе человѣка со вкусомъ. Планъ его сдѣланъ извѣстнымъ многочисленными зданіями въ Петербургѣ архитекторомъ Гваренги, а лицевая сторона дома, равно какъ и залъ показываютъ, что все это было однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній венеціанскаго художества"...

Но даже, если эта усадьба и не была „однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній", то дѣйствительно она была такимъ „произведеніемъ", которое создалось подъ вліяніемъ лучшихъ образцовъ именно этого „венеціанскаго" художества, отразившагося въ формахъ постройки.

Быть можетъ, и не самъ Джакомо Гваренги составлялъ проектъ; даже почти навѣрно можно сказать, что не онъ самъ строилъ этотъ домъ; возможно авторство и другого, одновременно съ Гваренги, пріѣхавшаго въ Россію зодчаго — Тромбаро, воздвигавшаго во многихъ мѣстахъ средней полосы Россіи усадьбы и городскія зданія („ряды, присутственныя мѣста"). И также сомнительно указаніе на авторство Гваренги въ сосѣднихъ съ Пануровкою постройкахъ: въ домѣ с. Гринева (кн. Голицына) и Батурина (нынѣ уже опровергнуто первоначальное приписываніе Гваренги этого дворца, теперь найдены планы, подписанные Чарльзомъ Камерономъ и, такимъ образомъ, даже вѣроятность участія Ринальди поколеблена значительно).

Но если бы даже „Гриневъ" (домъ этой усадьбы болѣе богатыхъ, нежели Пануровскій, формъ) и другія зданія этого края („Ляличи" гр. Н. В. Завадовскаго) строилъ самъ Гваренги—это не исключало бы возможности сооруженія „Пануровки" другимъ зодчимъ; вѣроятность же его авторства должна быть подвержена сомнѣнію вотъ еще по какому основательному поводу.

Конечно, портикъ дома, пропорція колоннъ, ихъ стройный силуэтъ, скромность убранства стѣнъ (отсутствіе наличниковъ оконъ), размѣры оконъ, сочность лѣпки аканѳовыхъ капителей — все это указываетъ на руку опытнаго, лучшаго не провинціальнаго зодчаго. Но неужели могъ „Кваренгій", любимецъ Екатерины II, такой авторитетный и самостоятельный зодчій, почти скопировать планъ проектируемаго имъ



Большой залъ Пануровскаго дома.

ФОТ. В. М. МИКЛАШЕВСКОЙ.

дома съ плана виллы Conte Valmarana (нынѣ Rossi) въ Лизіерѣ (близъ Виченцы) въ Сѣверной Италіи?

Неужели Гваренги могъ позаимствовать прямо изъ увража „Quatro libri dell'architettura", Andrea Palladio, переизданнаго много разъ, начиная съ 1580 годовъ, готовый планъ и примѣнить его къ заказанному ему проекту? Между тѣмъ сходство плановъ этихъ двухъ построекъ значительное! И здѣсь и тамъ (но для Пануровки, какъ дома въ Россіи это представляетъ мало удобствъ въ климатическомъ отношеніи) — въ фасадѣ дома сдѣлана ниша, слегка выступая изъ нея, поставленъ портикъ изъ 6 коринѳскихъ колоннъ. Прямо изъ ниши вы входите въ удлиненную комнату. Слѣва узкая лѣстница на антресоли, справа служебныя помѣщенія. Прямо обширный, занимающій середину дома, квадратный двухсвѣтный залъ, покрытый подобіемъ зеркальнаго свода, расписаннаго живописью; въ концѣ зала, налѣво и направо входъ въ продолговатыя комнаты. Словомъ, разбивка помѣщеній, даже ихъ пропорціи и ихъ количество—совпадаютъ совершенно!

При этомъ едва ли этотъ планъ былъ такъ удобенъ (мало свѣта въ залѣ, впрочемъ какъ и въ Villa Valmarana), несмотря на всю свою парадность и пышность.

Однако, таковы были вкусы; таково было подчиненіе итальянскимъ традиціямъ и вліянію моды; Миклашевскому нравилось это строгое холодное величіе высокихъ залъ, гдѣ-то тамъ въ полумракѣ расписанныхъ all fresco, ему казался единственно допустимымъ украшеніемъ этотъ благородный портикъ, гладкій фронтонъ. Нравилась мощь пропорцій, суровое величіе ордера, и все это и только это—можно сказать—соотвѣтствовало вкусу закаленнаго въ бояхъ, воина екатерининскихъ временъ, сенатора, „извѣстнаго въ молодости своей красотой, которую онъ, можно сказать, не утратилъ до самой смерти: прямой, величественный станъ его сохранилъ и въ старости прежнюю стройность, а выразительное лицо и плѣнительная улыбка вполнѣ высказывали врожденное душѣ его благородство, доброту, кротость и все достоинство человѣка, совершившаго подвигъ жизни, которую такъ лаконически характеризовалъ сіявшій на груди его девизъ": „Польза, слава, честь".

И домъ въ Пануровкѣ отражалъ вполнѣ именно эту общую физіономію его строителя—человѣка строгихъ правилъ, высокаго вкуса, величественныхъ жестовъ, и стиль дома соотвѣтствовалъ единственному, считавше-



Часы и 2 жирандоли.

ФОТ. В. М. МИКЛАШЕВСКОЙ.

муся тогда благороднымъ, типу архитектуры—полному классическихъ традицій.

И вотъ, внукъ назначеннаго въ 1693 году (гетманомъ Многогрѣшнымъ), полковникомъ Стародубскимъ — портретъ котораго украшаетъ собою и понынѣ торжественный залъ Пануровскаго дома — на склонѣ лѣтъ является строителемъ усадьбы въ стилѣ итальянскихъ виллъ.

„Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества“ стольникъ войска запорожскаго стародубскій полковникъ С. П. М., изображенный въ чудесномъ одѣяніи изъ парчи, въ красныхъ сафьяновыхъ сапогахъ, съ лицомъ серьезнымъ, суровымъ и производящимъ нѣсколько жуткое



Фасадъ дома въ Пануровкѣ.

впечатлѣніе, сутуловатый и съ безусловно азіатскимъ оттѣнкомъ въ своей внѣшности—въ началѣ столѣтія; и стройный, просвѣщенный, во фракѣ со звѣздами, и съ европейскимъ умнымъ лицомъ, изысканной внѣшности — въ концѣ этого же столѣтія... Вотъ какъ быстро эволюціонировали люди XVIII столѣтія; вотъ какія метаморфозы были возможны еще тогда!

II.

Проѣхавъ печальную русскую деревеньку—съ широкими улицами, убогими хатками, колодцами съ „журавлями“, и лужами воды около нихъ, съ понурыми ракитами, съ огородами, конопляными зарослями и клунями—вы видите вдругъ бѣлѣющую вдали колоннаду, два флигеля по бокамъ ея, часовенку и церковь—ensemble построекъ, отражающійся въ сонной водѣ пруда, поросшаго камышемъ и „зеліемъ татарскимъ“.

Переѣхавъ плотину и сдѣлавъ бойко традиціонный объѣздъ круглой клумбы передъ домомъ — лошади лихо подвозятъ васъ къ колоннадѣ дома, поставленной на высокій пандусъ съ широкой и пологой лѣстницей.

Пройдя обширную высокую переднюю, входимъ въ залъ, столь пріятный прохладою своею въ лѣтній зной. Живопись изображаетъ небо, видное сквозь открытую баллюстраду. Съ плафона, расписаннаго орнаментомъ, спускается огромная люстра. Стѣны зала расчленены колоннами іоническаго ордера, несущими на себѣ арочки полукруглыхъ оконъ (венеціанскихъ). Фризъ украшенъ розетками и меандромъ (золотымъ по пурпурному полю); прелестныхъ профилей карнизъ отдѣляетъ нижнюю часть стѣнъ залы отъ второго яруса, на которомъ написаны нѣжныя панно съ видами аркадской страны. Богатѣйшій карнизъ вѣнчаетъ стѣны зала и плоскій сводъ съ обширными распалубками перекрываетъ его. Въ щекахъ распалубокъ также живопись, изображающая раковины окруженныя лавровыми листьями. Во фризѣ вѣнчающаго карниза орнаментъ богатѣйшей росписи, изображающій гирлянды, перевитыя лентами.

Торжественный залъ полонъ глубокаго настроенія, особенно когда звуки меланхолическаго вальса не-



Деталь гостинной.

ФОТ. В. М. МИКЛАШЕВСКОЙ.

сутся къ высокому его плафону, погруженному всегда въ полумракъ.

Изъ предметовъ, находящихся здѣсь кромѣ портрета М. П. Миклашевскаго, упомянемъ о портретѣ Александра Благословеннаго и Государыни — небольшихъ, но хорошихъ изображеніяхъ Императорской четы, подаренныхъ на память владѣтелю дома, по случаю посѣщенія его Государемъ, портретъ Петра I и др.

Залъ украшаютъ еще многіе другіе портреты родственниковъ владѣтелей Красно-Милашевичей: Бакуринскихъ, канцлера Безбородко, (на племянницѣ котораго былъ женатъ М. П. Миклашевскій) и др. На старинной мебели стоятъ хрустальныя жирандоли нѣжной работы: деревца, гирлянды, цѣлые фонтаны хрусталя различнаго рисунка съ прелестными вставками изъ цвѣтныхъ стеколъ! Здѣсь же часы—одни большіе, англійскіе, другіе—еще болѣе интересные на бѣлыхъ мраморныхъ колонкахъ, въ видѣ ротонды. Впрочемъ, не будемъ перечислять всѣ тѣ прелестныя бронзовыя, хрустальныя и иного матеріала издѣлія, которыми буквально наполненъ весь домъ. Много фарфора. Онъ собранъ въ столовой, гдѣ по стѣнамъ развѣшаны лишь лучшія тарелочныя издѣлія завода Миклашевскихъ (имѣнія Волокитина, другихъ Миклашевскихъ, прославившихся фарфоровымъ заводомъ, выдѣлывавшимъ даже иконостасы этого фарфора. Лучшее собраніе фарфора Миклашевскихъ, встрѣчающагося вообще почти во всѣхъ коллекціяхъ, какъ и фарфоръ Гарднера или А. Попова—у г. Ганзенъ, въ Кіевѣ). Въ гостиной — чудесныя чашки, кувшинчики, флаконы, вазочки, фигурки и т. п. предметы наполняютъ собою витрины, уснащаютъ угольники и украшаютъ этажерки.

Въ гостиной есть еще два, три интересныхъ портрета и особенно хороша огромная, стиля Louis XVI, люстра, съ сердцевиною зеленаго стекла (хотя лучшія въ этомъ родѣ и исключительно большія люстры находятся въ имѣніи родственниковъ Миклашевскихъ, въ усадьбѣ „Очкино").

Далѣе, налѣво, въ спальной, интересно украшенной нишею, обработанною колоннадою іоническаго (типа Эрехтейонъ) ордера, висятъ чудесные виды Италіи, и много копій лучшихъ мастеровъ. Здѣсь же часы (англійскій ампиръ), старинный шкафъ, жирандольки...

Наверху, поднявшись по узенькой лѣсенкѣ со старинными балясинами въ антресоли — попадаешь въ царство уюта. И здѣсь, какъ въ тѣхъ пышныхъ парадныхъ комнатахъ, много предметовъ старины—мебель разныхъ деревъ, портреты и рисунки въ дивныхъ „окантовкахъ", которыми буквально залѣплены всѣ стѣны; а шкафы шифоньерокъ набиты старинными гравюрами, литографіями и картинками изъ „Moniteur de la Mode" и другихъ журналовъ первой половины XIX столѣтія.

Здѣсь міръ портнихъ, кружевницъ, вышивальщицъ и въ шкафахъ хранятся старинныя платья, матеріи и платки—гардеробъ первой половины XIX столѣтія.

И весь видѣнный нами образъ Пануровки заставляетъ повѣрить въ то, что цѣлы еще и въ наше время завѣты античнаго искусства, что сохранны и до сихъ поръ—и именно въ Россіи, въ ея глухой провинціи—остатки примѣчательной красоты, какъ живы еще по сегодняшній день повѣрья и преданья давнишнія...



Хрустальное деревцо.

ФОТ. В. М. МИКЛАШЕВСКОЙ.

рогамъ непроѣзжимъ, какого труда стоило везти когда то всѣ эти жирандоли, люстры, бра, мебель, вазы, и портреты! какая любовь къ красивымъ предметамъ наполняла сердца нашихъ предковъ, если они сумѣли, преодолѣвая всѣ трудности, идя на огромныя затраты, насадить среди полей и чащъ болотныхъ—образцы такой художественной культуры!..

Выйдя изъ усадьбы къ плотинѣ, встрѣтимъ очаровательную часовенку, теперь бесѣдку, занятую библіотекою—прелестный классическій храмъ! Рядомъ—церковь, въ ней рѣдкостное, времени Алексѣя Михайловича, евангеліе. Архитектура церкви—нарышкинское (Московское) половины XVIII столѣтія—барокко. Но формы ея просты, детали немногочисленны, и храмъ по своимъ массамъ сливается и съ часовней, и съ оградой, и съ домомъ въ одинъ ensemble, который мы видѣли при въѣздѣ. Мелькнувшій и отраженный въ сонныхъ водахъ пруда, этотъ видъ, когда мы покидаемъ Пануровку, снова передъ нами.

Античнымъ видѣніемъ, почти „фрагментомъ" Эллады, представляется намъ снова вся усадьба. Сквозь гирлянды плакучихъ ивъ виднѣется вся эта бѣлая и стройная группа построекъ. А шелестъ камышей какъ будто разсказываетъ о дѣяніяхъ и стремленіяхъ былыхъ людей, любившихъ прекрасные образы, также какъ доблестные подвиги, какъ нравственныя заслуги.

И когда возвращаешься болотистыми перелѣсками къ далекой станціи узкоколейки, въ чащѣ, гдѣ растутъ яркія дикія ягоды и бѣлѣетъ ландышъ—вспоминается снова и греческая колоннада портика, и храмикъ-ротонда, и покои, убранные въ „классическомъ вкусѣ".

И тогда почудится, что изъ этой заросли болотной выглядываютъ и мерцаютъ веселые и насмѣшливые глаза древняго, но все еще живого Пана—бога лѣсовъ...



Часы и жирандоли.

Фот. В. М. Миклашевской.

Не въ мечтахъ, а на яву передъ нами и формы полныя красоты, и жизнь, полная чудесъ.

Выйдя на террасу, ведущую въ садъ, нѣсколько огорчаешься тѣмъ, что пристройка этой веранды, сдѣланная сравнительно недавно, мало соотвѣтствуетъ стилю самого дома и что она даже не въ характерѣ эпохи, но зато уютъ прохладной тѣни трельяжа, увитаго виноградомъ, заставляетъ позабыть о нѣкоторомъ художественномъ несоотвѣтствіи,—и такъ пріятно, растянувшись на chaise-longue, дремать, слушая шумъ стариннаго парка, вдыхать ароматъ липовыхъ деревъ, наслаждаться сладостью сельской жизни, вкушать всѣ яства полей, садовъ, оранжерей, усадьбы...

Передъ этимъ фасадомъ дома—обширная, круглая площадка, въ началѣ ея цвѣтникъ, а далѣе газонъ, окаймленный кольцомъ развѣсистыхъ деревьевъ.

Налѣво невдалекѣ старенькій, хорошей архитектуры, деревянный домикъ, наполненный книгами (около 3-хъ тысячъ томовъ) начала XIX вѣка въ чудесныхъ переплетахъ: „Les Ruines de Palmyre"—1753; „Lettres sur l'Italie"—1785; Une édition magnifique de Racine, Corneille, Voltaire—1792; Traité sur la peinture de L. d. Vinci—(1803), Les oeuvres de Palladio — 1675, les Metamorphoses d'Ovide—1767 (Paris, Barrois) и многихъ другихъ хранителей ума и вкуса минувшаго.

Далѣе въ паркѣ оранжереи—въ нихъ вьется виноградъ, желтѣютъ абрикосы и дозрѣваютъ персики...

За оранжереей аллеи тѣнистыя, уютныя и разныя „любимыя" мѣста. Вотъ „аллея любви", вотъ „гротъ зеленый", „гротъ вздоховъ" и т. п.

Вернувшись въ домъ, усѣвшись у окна на антресоляхъ, можно предаться думамъ о всѣхъ богатствахъ, разсѣянныхъ по равнинамъ и лѣсамъ Россіи. По до-



Часы, канделябры и вазы.

Фот. В. М. Миклашевской.

Георгій Лукомскій.

DANS LE MONDE DIPLOMATIQUE.



CHAMBRE DE LA REINE LOUISE

Cette chambre est la reconstitution de celle, qui existe au château de Paretz où a vécu la reine Louise femme de l'Empereur Frédéric Guillaume III. Au dessus de la cheminée, le portrait de la reine par Arthur Kampf.

L'AMBASSADE D'ALLEMAGNE.

L'hôtel partic[illegible] d'Allemagne [illegible] il y a deux ans pour cette A[illegible] Behrens [illegible] et comme tel compte dans [illegible] C'est à tort que [illegible] tiquée par certaines pers[illegible] l'Empereur d'Allemagne, [illegible] laisse à l'architecte [illegible] solidité, et de [illegible] grand de [illegible] est [illegible]

La famille de l'A[illegible] Pourtalès, est [illegible]

S. E. L'AMBASSADEUR D'ALLEMAGNE ET LA COMTESSE DE POURTALÈS ENTOURÉS DU PERSONNEL DE L'AMBASSADE

De gauche à droite: Capitaine de vaisseau de Fischer-Lossainen, attaché naval. M. de Lucius, conseiller d'Ambassade. Comte de Berchem, second secrétaire. S. E. l'Ambassadeur, comte de Pourtalès. La Comtesse de Pourtalès, M. de Bulow, attaché. M. de Pritwitz, troisième secrétaire. M. le Commandant de Eggling, attaché militaire.

Dans ce salon comme objets d'art remarquables on peut citer: un tableau réprésentant un sénateur vénitien par Cintorello.

HOTEL DE L'AMBASSADE D'ALLEMAGNE.

cation de l'Edit de Nantes cette famille quitta la France et vint s'installer dans la principauté de Neuchâtel en Suisse; une des branches de la famille passe de-là au service de l'Allemagne.

Le comte de Pourtalès a fait déja un séjour à Pétersbourg comme conseiller d'ambassade de 1888 à 1890. Il est ambassadeur dans notre capitale depuis 1907. La comtesse de Pourtalès, née comtesse de Kanitz, est originaire de l'Allemagne

VESTIBULE D'ENTRÉE.


ESCALIER D'HONNEUR.

occidentale; son père occupe une grande charge à la cour à Berlin.

Le comte et la comtesse de Pourtalès sont les heureux possesseurs de superbes objets d'art antique; quelques uns de ces objets figurent dans les catalogues des antiquaires commes pièces uniques. Nous citerons les deux bronzes—„Neptune" et „Méléagre" par Sansorino du Cinquecinto, puis une quantité de torses et de têtes antiques, et surtout une reproduction antique d'un torse, nommé „Doryphoros", par Polyclète. Dans le cabinet de S. E. l'Ambassadeur on remarque encore de jolies et anciennes porcelaines de Sèvres et une riche collection de statuettes de Tanagra.

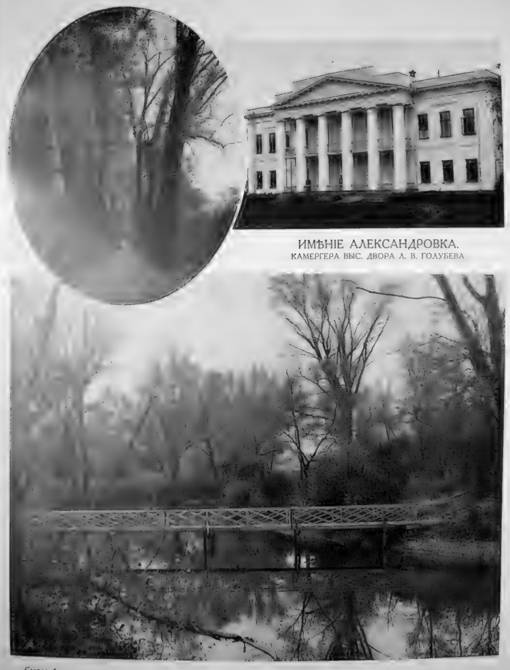


FONTAINE DE LA SALLE A MANGER.

M-ME LA COMTESSE DE POURTALÈS

GRANDE SALLE DES FÊTES.

Portrait de S. M. l'Empereur Guillaume II en costume des Gardes du Corps, par le professeur Alfred Schwarz.



ИМѢНІЕ АЛЕКСАНДРОВКА.
КАМЕРГЕРА ВЫС. ДВОРА Л. В. ГОЛУБЕВА

Старая барская усадьба въ Екатеринославской губ., Славяносербскомъ у., въ пяти верстахъ отъ города Луганска. Въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія она принадлежала извѣстному богачу Сомову.

Постройку дворца и другихъ зданій усадьбы производилъ какой-то безвѣстный итальянецъ—путешественникъ. Внутри стѣны очень искусно раскрашены подъ мраморъ. Этимъ же итальянцемъ построена и церковь.

Чудесный паркъ, съ темными аллеями, прудами, съ глухими уединенными уголками.

Отъ Сомова имѣніе перешло къ княгинѣ Орбеліани, по второму браку—принцессѣ Мюратъ. Въ 80-хъ годахъ оно было пріобрѣтено В. Ф. Голубевымъ, отъ котораго и перешло по наслѣдству къ нынѣшнему владѣльцу, сыну В. Ф., женатому на дочери покойнаго адмирала Макарова—А. С. Макаровой.

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

Кто-то говорилъ:

— „Нѣмецкій „Императоръ“, самый большой пароходъ міра, поставленъ въ докъ на нѣсколько мѣсяцевъ для передѣлки“.

— „Я вспоминаю, какъ на него пріѣхала со мною дама, впервые ѣдущая на океанскомъ пароходѣ“.

Мы взошли на пароходъ съ небольшого „тендера“, поднялись въ подъемной машинѣ съ дека „F“ на декъ „B“, на пять этажей, и вошли въ большой Social Hall.

— „А гдѣ же пароходъ?“ спросила она.

— „Мы на пароходѣ“.

— „Нѣтъ, кромѣ шутокъ! когда же сядемъ на пароходъ?..“

Вмѣсто отвѣта я повелъ ее по роскошной лѣстницѣ къ оранжереѣ на палубѣ, и мы купили тамъ букетъ розъ. Кругомъ уже было море: мы шли въ Америку.

— „Стоитъ жить, чтобы увидѣть такой пароходъ“, – воскликнула она.

Англійскій „Олимпикъ“, другой океанскій колоссъ, не такъ поражаетъ сразу, но тамъ еще больше комфорта, настоящаго англійскаго комфорта. Англичане лучше всѣхъ понимаютъ комфортъ. Они умѣютъ тратить деньги на изысканную роскошь. А это мало хотѣть; надо еще умѣть!..“

Другой собесѣдникъ сказалъ:

— „Да, удивительный народъ... Комфортъ до мелочей, практическій комфортъ... Я вотъ долго не понималъ, почему англичане носятъ крахмальныя рубашки только съ одной запонкой, носилъ французскія. Понялъ это недавно, когда прачка выгладила мнѣ эти французскія рубашки такъ, что онѣ топорщатся, какъ ни застегивай: растянула ихъ неправильно, одна запонка лѣзетъ, а другая нѣтъ! А при одной запонкѣ это невозможно...

Всѣ засмѣялись.

— „Народъ практичности и комфорта—это вѣрно! Но вотъ не пойму до сихъ поръ почему англичане носятъ обручальныя кольца на лѣвой рукѣ, а мы на правой“,

— добавилъ третій.

Гербертъ Джорджъ Уэллсъ, знаменитый англ. писатель, бывшій на-дняхъ въ Петербургѣ. Курьезно, что нѣкоторые репортеры смѣшали его съ г. Уайнансомъ, тоже гостившимъ въ Петербургѣ, и разсказывали въ сотняхъ строкъ объ удивительныхъ охотничьихъ приключеніяхъ Уэллса, никогда не убившаго ни одной звѣрюшки!



Гербертъ Джорд[illegible]



ВЪ ЗРИТЕЛЬНОЙ ЗАЛѢ.



„ЦАРЬ ІУДЕЙСКІЙ“

(К. Р.—Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ)

О впечатлѣніи, произведенномъ представленіемъ драмы К. Р. на сценѣ Эрмитажнаго театра, мнѣ уже пришлось дать въ „Новомъ Времени“ краткій отзывъ.

Я позволю себѣ здѣсь повторить и развить основное положеніе моего отзыва, что громадное впечатлѣніе, производимое представленіемъ драмы К. Р., обусловлено не столько литературными достоинствами, которыя несомнѣнны, сколько чистотой чувствъ и настроеній, съ которыми авторъ подходилъ къ своей задачѣ. Однимъ литературнымъ мастерствомъ, хотя бы даже геніальнымъ; нельзя справиться съ трудомъ, задуманнымъ какъ служеніе Богу. Наоборотъ, извѣстная возвышенность помысловъ и намѣреній, то настроеніе, къ которому церковный обрядъ призываетъ насъ возгласомъ: „горѣ имѣемъ сердца“, даетъ совершенно неподражаемый отпечатокъ любому произведенію искусства, направленному къ религіозному достиженію, въ какой бы степени художественнаго совершенства это произведеніе ни стояло. Вѣдь никто не станетъ отрицать, что современные живописцы владѣютъ техникой рисунка и красокъ лучше Боттичелли и Филиппо Липпи, но имъ не дано зара[illegible] насъ напряженностью молитвеннаго [illegible] ственною творчеству этихъ неумѣлыхъ въ изв[illegible] смыслѣ, но навсегда прославленныхъ мастеров[illegible] тературные пріемы, которыми пользовался К. Р. для созданія своей драмы, равносильны тому, что въ живописи называется „простою передачей“: нѣсколько скупыхъ ударовъ карандаша, чуть-чуть усиленныхъ двумя тонами краски, могутъ иногда лучше воспроизвести замыселъ художника, чѣмъ сложная, красочная, перегруженная композиція. И въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ простымъ, непритязательнымъ пятистопнымъ ямбомъ, съ тѣми старинчатыми бѣлыми стихами, которыми написано столько классическихъ произведеній нашей строгой и цѣломудренной литературы прошлаго вѣка. Кое гдѣ повышенное настроеніе подчеркивается скромною риѳмой, въ которой если нѣтъ Пушкинскаго блеска и наитія, то, къ счастью, нѣтъ и современныхъ техническихъ вычуръ. Планъ драмы тоже простой, она построена, такъ сказать, по общепринятому способу. И это хорошо: не отвле-

каетъ мысли и вниманія отъ главнаго, т. е. отъ чувствъ, вызываемыхъ напоминаніемъ о жизни и крестныхъ страданіяхъ нашего Господа. Мы уже такъ успѣли отвыкнуть отъ тѣхъ образцовъ, на которыхъ воспитывались, нашъ вкусъ уже настолько противъ нашей воли примѣнился къ бурнымъ теченіямъ новаго творчества, что вещь, написанная сегодня по тому доброму способу, по которому насъ учили писать, неожиданно намъ кажется какъ бы немного архаической, какъ бы немного посеребренною сѣдиной времени. И въ этомъ именно удачномъ обстоятельствѣ я вижу то вѣрное направленіе, которое спасло смѣлость задачи отъ грубаго прикосновенія повседневности, а дало ей благородство прошлаго, несмотря на ея несомнѣнную новизну. Поясню маленькимъ примѣромъ:

„... но чу! Свирѣль пастушья:
То стадо гонитъ за городъ пастухъ..."

Не кажется ли вамъ, что эти строки написаны поэтомъ изъ такъ называемой „пушкинской плеяды"? [illegible]овъ въ молодости ихъ допустилъ бы, но на за[illegible]ъ дней онъ замѣнилъ бы междометіе „чу" [illegible]-нибудь другимъ оборотомъ. Между тѣмъ эти слова Іоанны находятся въ полной гармоніи съ остальными стихами ея роли, это выраженіе такъ вросло въ слогъ всей драмы, что оно является красивымъ и необходимымъ. И вотъ здѣсь-то мы подходимъ къ ходячему возраженію тѣхъ, кто утверждаетъ, что въ старину были мистеріи допустимыя и благочестивыя, но что современные театральные пріемы слишкомъ кощунственны для изображенія земной жизни Спасителя. Древнія мистеріи являлись первыми попытками театральнаго творчества того времени, когда всѣ виды искусства были подчинены религіозному настроенію. Логически столько же основаній противиться возрожденію мистерій въ новыхъ формахъ, сколько было бы ихъ запрещать картины на библейскія темы только потому, что область живописныхъ изображеній расширилась. Но, помимо логики, противниками появленія священныхъ изображеній на подмосткахъ руководитъ вѣрное внутреннее чувство, почерпнутое въ безсознательномъ пониманіи обаянія прошлаго и недостоинства всего слишкомъ близкаго во времени и пространствѣ, какъ слишкомъ доступнаго разсматриванію со стороны печальныхъ жизненныхъ подробностей. Однако, возврата къ мистеріямъ въ томъ видѣ, какъ онѣ существовали, не можетъ быть, потому что ихъ первобытная грубость насъ не удовлетворила бы и была бы даже оскорбительной, въ предположеніи возможности ихъ археологическаго воскрешенія. Поддѣлка подъ мистерію явилась бы еще худшимъ горемъ, какъ творчество по необходимости неискреннее, вынужденное и фальшивое. Въ этой области насъ могла бы удовлетворить только полная непосредственность и вдохновенность творчества при условіи нѣкотораго „обаянія прошлаго", о которомъ я только-что упоминалъ. Эти два условія счастливо сочетаются въ разбираемой драмѣ, но становится это понятнымъ, конечно, только изъ разбора испытанныхъ впечатлѣній, потому что напередъ ставить подобныя требованія значило бы предугадать рѣзкую и непредвидѣнную случайность.

Наплывъ пережитыхъ чувствъ побудилъ меня высказаться за пользу постановки пьесы „Царь Іудейскій" на нашихъ образцовыхъ сценахъ. Я и теперь держусь того же мнѣнія, но съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, о необходимости котораго напомнили мнѣ некрасивыя проявленія людской нетерпимости.

Нужно, чтобы прошелъ достаточный срокъ для освобожденія пьесы К. Р. отъ ея злободневности. Пока съ нею связанъ интересъ привходящихъ обстоятельствъ, пока на нее не будутъ смотрѣть только ради ея содержанія, пока она можетъ служить оружіемъ для неблагожелательныхъ толкованій, вызванныхъ личностью автора, его родственными связями и соблазномъ обнажить злободневную наготу мстительныхъ и низменныхъ душъ,—лучше переждать. За этимъ произведеніемъ обезпечено прочное будущее воспитательнаго, трогательнаго обращенія къ людской совѣсти и сердцу, время для спокойной оцѣнки его наступитъ, оно не нуждается въ успѣхѣ новизны, потому что въ немъ заложены основы здоровой долговѣчности.

А. Столыпинъ.

„ИЗМАЙЛОВСКІЕ ДОСУГИ".

Измайловскій Досугъ возникъ въ августѣ 1884 г. Создалъ и одухотворилъ его Вел. Кн. Константинъ Константиновичъ, не только организовавшій его, но и выступавшій самъ постоянно, какъ поэтъ, переводчикъ, чтецъ, актеръ.

Въ первое время Досугъ встрѣтилъ нѣкоторое недовѣріе, сомнѣвались, чтобы строевая жизнь офицера могла быть совмѣщена съ занятіями литературой, въ частности поэзіей или драматическимъ искусствомъ. Но время—лучшій судья. Прошло 29 лѣтъ и Измайловскій Досугъ все развивается, онъ сдружилъ и сплотилъ полковую семью. Оказалось, что онъ вполнѣ совмѣстимъ съ военной жизнью—служеніе красотѣ, любовь къ литературѣ, музыкѣ, не мѣшаютъ строевой жизни.

По настоящее время было уже около 300 Досуговъ. Досуги раздѣлялись на обычные, т. е. состоящіе изъ чтенія стиховъ и прозы, драматическіе и музыкальные. Выдѣлялись Досуги, посвященные тому или другому автору: Досугъ Пушкина, Лермонтова, гр. Алексѣя Толстого, Майкова, Гоголя, Апухтина и т. д. Были досуги, на которые представлялись, какъ на конкурсъ, сочиненія на объявленную тему.

30 ноября 1907 г. Досугъ праздновалъ 25-лѣтіе литературной дѣятельности своего вдохновителя Вел. Кн. Константина Константиновича, котораго большая публика знаетъ подъ псевдонимомъ К. Р.

На драматическихъ Досугахъ шли отдѣльныя сцены и цѣлыя пьесы. Были поставлены, напр., „Борисъ Годуновъ" Пушкина, Отрывокъ „Короля Генриха IV" Шекспира въ переводѣ К. Р., „Трагедія о принцѣ Гамлетѣ" Шекспира, также въ переводѣ К. Р., „Горе отъ ума", „Мессинская невѣста" Шиллера и т. д. „Трагедія о принцѣ Гамлетѣ" прошла четыре раза. Это была лучшая постановка за все время дѣятельности Досуговъ. Она возбудила въ свое время очень большой интересъ не только среди высшаго Петербурга, но и въ печати. Спектакли Гамлета были перенесены въ Мраморный дворецъ и исполнители выступали передъ Государемъ Императоромъ. На одной изъ репетицій Гамлета великій Сальвини отдалъ должную дань своему августѣйшему сотоварищу по исполненію роли Гамлета...

17 февраля 1900 года Гамлетъ шелъ на сценѣ Императорскаго Эрмитажа въ присутствіи всей Императорской фамиліи, дипломатическаго корпуса, Двора и представителей высшаго общества.

Въ 1908 г. Досугомъ была поставлена новая капитальная пьеса, представляющая большія трудности для сцены,—„Мессинская невѣста" Шиллера (въ переводѣ Вел. Князя). Пьеса шла на русскомъ языкѣ впервые, вырабатывалась каждая мельчайшая деталь... Великій Князь выступилъ въ роли Донъ Цезаря. Постановка имѣла большой успѣхъ. Досугу былъ предоставленъ Царскосельскій Китайскій театръ, гдѣ была устроена спеціально для даннаго случая вертящаяся сцена, чтобы быстро мѣнять декораціи.

Въ 1890 году поэтъ Я. П. Полонскій читалъ на Досугѣ свое неизданное стихотвореніе „Фантазія". С. В. Максимовъ, впослѣдствіи почетный академикъ, читалъ свои воспоминанія о Каратыгинѣ и Горбуновѣ. А. Ф. Кони передавалъ на память прошлое изъ своей судебной практики, между прочимъ, разсказывалъ дѣло нѣкой Розаліи Они, которое послужило фабулой къ роману Толстого „Воскресеніе". Участвовали въ Досугѣ приватъ-доцентъ Данило, арт. Давыдовъ и др.

Музыкальныхъ вечеровъ было за все время 12. Въ январѣ 1902 г. шла опера Ребикова „Въ грозу".

Одинъ изъ Досуговъ былъ посвященъ выставкѣ картинъ и рисунковъ Измайловскихъ офицеровъ.

Въ 1901 г. была написана бывшимъ офицеромъ полка худож. Бякмансовымъ картина „Измайловскій Досугъ". Въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ мы помѣстимъ снимокъ съ нея.

Предсѣдателемъ комитета съ основанія Досуговъ состоитъ Вел. Кн. Константинъ Константиновичъ. Секретарей, на которыхъ лежитъ значительная работа, было трое: Р. Ю. Минкельде, А. А. Рихтеръ и П. В. Данильченко.

Изъ самой послѣдней дѣятельности Досуговъ заслуживаетъ особаго вниманія постановка „Картинъ 1812 г." по роману Л. Толстого „Война и Миръ", перенесенная на сцену театра „Литер.-Худож. О-ва.

кается мысли и вниманія отъ главнаго, т. е. отъ чувствъ, вызываемыхъ напоминаніемъ *о жизни* и крестныхъ страданіяхъ нашего Господа. Мы уже такъ успѣли отвыкнуть отъ тѣхъ *образцовъ*, на которыхъ воспитывались, нашъ вкусъ уже настолько противъ нашей *воли примѣнился* къ бурнымъ теченіямъ новаго творчества, что вещь, написанная сегодня по тому доброму способу, по которому насъ учили писать, неожиданно намъ кажется какъ бы немного *архаической*, какъ бы немного посеребренною сѣдиной времени. И въ этомъ именно удачномъ обстоятельствѣ я вижу то вѣрное направленіе, которое спасло смѣлость задачи отъ грубаго прикосновенія *повседневности*, а дало ей благородство прошлаго, несмотря на ея несомнѣнную *новизну*. Поясню маленькимъ примѣромъ:

„... но чу! Свирѣль пастушья:
То стадо гонитъ за городъ пастухъ..."

Не кажется ли вамъ, что эти *строки написаны* поэтомъ изъ такъ называемой „пушкинской плеяды"? Майковъ въ молодости ихъ допустилъ бы, но на закатѣ своихъ дней онъ замѣнилъ бы междометіе „чу" какимъ-нибудь другимъ *оборотомъ*. Между тѣмъ эти слова Іоанны находятся въ полной гармоніи съ остальными стихами ея роли, это выраженіе такъ вросло въ слогъ всей драмы, что оно является красивымъ и необходимымъ. И вотъ здѣсь-то мы подходимъ къ ходячему возраженію тѣхъ, *кто утверждаетъ*, что въ старину были мистеріи допустимыя и благочестивыя, но что современные театральные пріемы слишкомъ кощунственны для изображенія земной *жизни Спасителя*. *Древнія мистеріи* являлись первыми попытками театральнаго творчества того времени, когда всѣ виды искусства были подчинены религіозному настроенію. Логически столько же основаній противиться возрожденію мистерій въ новыхъ формахъ, сколько было бы ихъ запрещать *картины на* библейскія темы только потому, что область *живописныхъ изображеній расширилась*. Но, помимо логики, противниками появленія священныхъ изображеній на подмосткахъ руководитъ вѣрное внутреннее чувство, почерпнутое въ безсознательномъ пониманіи обаянія прошлаго и недостоинства всего слишкомъ близкаго во времени и пространствѣ, какъ слишкомъ доступнаго разсматриванію со стороны печальныхъ жизненныхъ подробностей. Однако, возврата къ мистеріямъ въ томъ видѣ, какъ онѣ существовали, не можетъ быть, потому что ихъ первобытная грубость насъ не удовлетворила бы и была бы даже оскорбительной, въ предположеніи возможности ихъ *археологическаго воскрешенія*. *Поддѣлка подъ мистерію* явилась бы еще худшимъ горемъ, какъ творчество по необходимости неискреннее, вынужденное *и фальшивое*. Въ этой области насъ могла бы удовлетворить только полная непосредственность и вдохновенность творчества при условіи нѣкотораго „обаянія прошлаго", о которомъ я только-что упоминалъ. Эти два условія счастливо сочетаются въ разбираемой драмѣ, но становится это понятнымъ, конечно, только изъ *разбора испытанныхъ впечатлѣній*, потому что напередъ ставить подобныя требованія значило бы предугадать рѣзкую и непредвидѣнную *случайность*.

Наплывъ пережитыхъ чувствъ побудилъ меня высказаться за пользу постановки пьесы „Царь Іудейскій" на нашихъ образцовыхъ сценахъ. Я и теперь держусь того же мнѣнія, но съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, о необходимости котораго напомнили мнѣ некрасивыя проявленія людской нетерпимости.

Нужно, чтобы прошелъ достаточный срокъ для освобожденія пьесы К. Р. отъ ея злободневности. Пока съ нею связанъ *интересъ приходящихъ* обстоятельствъ, пока на нее не будутъ смотрѣть только ради ея содержанія, пока она можетъ служить оружіемъ для неблагожелательныхъ толкованій, вызванныхъ личностью автора, его родственными связями и соблазномъ обнажить злободневную наготу мстительныхъ и низменныхъ душъ,—лучше переждать. За этимъ *произведеніемъ обезпечено прочное* будущее воспитательнаго, трогательнаго обращенія къ людской совѣсти и сердцу, время для спокойной оцѣнки его наступитъ, оно не нуждается въ успѣхѣ новизны, потому что въ немъ заложены основы здоровой долговѣчности.

А. Столыпинъ.

„ИЗМАЙЛОВСКІЕ ДОСУГИ".

Измайловскій Досугъ возникъ въ августѣ 1884 г. Создалъ и одухотворилъ его Вел. Кн. Константинъ Константиновичъ, не только организовавшій его, но и выступавшій самъ *постоянно*, какъ поэтъ, переводчикъ, чтецъ, актеръ.

Въ первое время Досугъ встрѣтилъ нѣкоторое недовѣріе, сомнѣвались, чтобы строевая жизнь офицера могла быть совмѣщена съ занятіями литературой, въ частности поэзіей или драматическимъ искусствомъ. Но время—лучшій судья. Прошло 29 лѣтъ и Измайловскій Досугъ все развивается, онъ сдружилъ и сплотилъ полковую семью. Оказалось, что онъ вполнѣ совмѣстимъ съ военной жизнью—служеніе красотѣ, любовь къ *литературѣ*, музыкѣ, не мѣшаютъ строевой жизни.

По настоящее время было уже около 300 Досуговъ. Досуги раздѣлялись на обычные, т. е. *состоящіе изъ* чтенія стиховъ и прозы, драматическіе и музыкальные. Выдѣлялись Досуги, посвященные тому или другому автору: Досугъ Пушкина, Лермонтова, гр. Алексѣя Толстого, *Майкова, Гоголя, Апухтина и* т. д. Были досуги, на которые представлялись, какъ на конкурсъ, сочиненія на объявленную тему.

30 ноября 1907 г. Досугъ праздновалъ 25-лѣтіе литературной *дѣятельности своего вдохновителя* Вел. Кн. Константина Константиновича, котораго большая публика знаетъ подъ псевдонимомъ К. Р.

На драматическихъ Досугахъ шли отдѣльныя сцены и цѣлыя *пьесы. Были поставлены*, напр., „Борисъ Годуновъ" Пушкина, Отрывокъ „Короля Генриха IV" Шекспира въ переводѣ К. Р., „Трагедія о принцѣ Гамлетѣ" Шекспира, также въ переводѣ К. Р., „Горе отъ ума", „Мессинская невѣста" Шиллера *и т. д.* „*Трагедія* о принцѣ Гамлетѣ" прошла четыре раза. Это была лучшая постановка за все время дѣятельности Досуговъ. Она возбудила въ свое время очень большой интересъ не только среди высшаго Петербурга, но и въ печати. Спектакли Гамлета были перенесены въ *Мраморный дворецъ и исполнители* выступали передъ Государемъ Императоромъ. На одной изъ репетицій Гамлета великій Сальвини отдалъ должную дань своему августѣйшему сотоварищу по исполненію роли Гамлета...

17 февраля 1900 года Гамлетъ шелъ на сценѣ Императорскаго Эрмитажа въ присутствіи всей Императорской фамиліи, дипломатическаго корпуса, Двора и представителей высшаго общества.

Въ 1908 г. Досугомъ была поставлена новая капитальная пьеса, представляющая большія трудности для сцены,—„Мессинская невѣста" Шиллера (въ переводѣ Вел. Князя). Пьеса шла на русскомъ языкѣ впервые, вырабатывалась каждая мельчайшая деталь... Великій Князь выступилъ въ роли Донъ Цезаря. Постановка имѣла большой успѣхъ. Досугу былъ предоставленъ Царскосельскій Китайскій театръ, гдѣ была устроена специально для даннаго случая вертящаяся сцена, чтобы быстро мѣнять декораціи.

Въ 1890 году поэтъ Я. П. Полонскій читалъ на Досугѣ свое неизданное стихотвореніе „Фантазія". С. В. Максимовъ, впослѣдствіи почетный академикъ, читалъ свои воспоминанія о Каратыгинѣ и Горбуновѣ. А. Ф. Кони передавалъ на память прошлое изъ своей судебной практики, между прочимъ, разсказывалъ дѣло нѣкой Розаліи Они, которое послужило фабулой къ роману Толстого „Воскресеніе". Участвовали въ Досугѣ приватъ-доцентъ Данило, арт. Давыдовъ и др.

Музыкальныхъ вечеровъ было за все время 12. Въ январѣ 1902 г. шла опера Ребикова „Въ грозу".

Одинъ изъ Досуговъ былъ посвященъ выставкѣ картинъ и *рисунковъ Измайловскихъ офицеровъ*.

Въ 1904 г. была написана бывшимъ офицеромъ полка худож. Бакмансовымъ картина „Измайловскій Досугъ". Въ одномъ изъ слѣ*дующихъ №№ мы помѣстимъ снимокъ съ нея*.

Предсѣдателемъ комитета съ основанія Досуговъ состоитъ Вел. Кн. Константинъ Константиновичъ. Секретарей, на которыхъ лежитъ значительная работа, было трое: Р. Ю. Минкельде, А. А. Рихтеръ и П. В. Данильченко.

Изъ *самой послѣдней дѣятельности* Досуговъ заслуживаетъ особаго вниманія постановка „Картинъ 1812 г." по роману Л. Толстого „Война и Миръ", перенесенная на сцену театра Литер.-Худож. О-ва.



А. А. Пиленко занимается спортомъ. (Шаржъ Пэма.)

ГАСТРОНОМИЧЕСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ.

Насъ было шестеро за обѣденнымъ столомъ уютной столовой.

Еще Варронъ говорилъ, что число сидящихъ за столомъ не должно превышать числа музъ и не быть менѣе числа грацій.

Подали рыбу, и мой сосѣдъ справа сдѣлалъ ужасную ошибку: онъ налилъ себѣ почти до краевъ стаканъ краснаго вина. Поступивъ такъ, этотъ человѣкъ доказалъ: во-первыхъ, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, какъ слѣдовало относиться къ рыбѣ, а, во-вторыхъ, что онъ не любилъ и не цѣнилъ того божественнаго напитка, который принято называть виномъ.

Вино!.. Въ Россіи „виномъ" зовутъ шампанское, а къ настоящему вину относятся пренебрежительно и, въ большинствѣ случаевъ, не умѣютъ его пить. Между тѣмъ, оно-то, дѣйствительно, и веселитъ, оно-то и сдабриваетъ мысли, и полируетъ кровь. Шампанское, этотъ напитокъ выскочекъ, только туманитъ, нервируетъ и опьяняетъ. Между тѣмъ, какъ вино... Да, вотъ, вамъ примѣръ: лордъ Байронъ выпилъ двѣ бутылки кларета (такъ англичане зовутъ къ сожалѣнію всякое красное вино!) передъ тѣмъ, какъ написалъ свое знаменитое письмо „Шотландскаго барда" въ отвѣтъ на нападки „Эдинбургской Газеты"; великій Рабле... Да, что вспоминать, подобныхъ примѣровъ слишкомъ много.

Тѣмъ временемъ, какъ я ѣлъ рыбу, мнѣ вспомнилось, и я сообщилъ объ этомъ моему амфитріону и его приглашеннымъ, какъ однажды, въ тѣ годы, когда я еще жилъ въ Парижѣ и любилъ приглашать иногда къ своему столу цѣнителей тонкой кухни, мнѣ удалось заинтересовать своихъ гостей однимъ новымъ, хотя и незамысловатымъ блюдомъ.

Рецептъ этого блюда былъ мнѣ данъ моимъ другомъ Жоржемъ Эскоффье, бывшимъ старшимъ поваромъ лондонскаго Рица. Блюдо это называлось „Demoiselles de Cherbourg sur canapes". Несмотря на свое нѣсколько мудреное названіе, то было очень простое кушанье: маленькіе шербургскіе лангусты, которыхъ зовутъ тамъ „барышнями", на кусочкѣ поджареннаго хлѣба, облитые легкимъ соусомъ на старомъ хересѣ. И, Боже, сколько толковъ и игривыхъ предположеній вызвало тогда появленіе на моемъ столѣ этого блюда, достойнаго трапезы боговъ...

Но люди ищутъ во всемъ „la petite bête" и не могутъ обойтись безъ двусмысленностей, особенно за столомъ. За столомъ почему-то принято даже разсказывать анекдоты и вообще вести себя легкомысленно. Отчасти я объясняю это плохимъ качествомъ кухни въ большинствѣ современныхъ домовъ и ресторановъ. Разговоръ, конечно, способствуетъ пищеваренію и помогаетъ проглотить невкусный кусокъ. Но въ старину такъ не поступали. Во времена Александра Дюма и доктора Вернона малѣйшія трапезы являлись своего рода священнодѣйствіемъ „on s'écouter en mangeant", какъ говаривалъ блаженной памяти Брійя-Саваренъ. Но нынѣ?.. Лучше не вспоминать...

Вотъ хотя бы жаркое или то, что называютъ „grillades". Теперь какъ заграницей, такъ и у насъ, каждый трактирщикъ увѣряетъ, что онъ умѣетъ жарить баранью котлету. И выходитъ нѣчто несъѣдобное. Хорошо сжарить баранью котлету, такъ же трудно, какъ выиграть сраженіе. Во Франціи, напримѣръ, этому трудному искусству научились только въ началѣ прошлаго столѣтія. Но ни Карэмъ, ни даже этотъ глупецъ Ватель не умѣли обращаться съ жаркимъ. Впрочемъ, восемнадцатый вѣкъ ѣлъ не ахти какъ. Онъ, главнымъ образомъ, усложнялъ кухню замысловатыми названіями и любилъ разнаго рода опасныя кулинарныя комбинаціи. Упрощеніе началось въ концѣ вѣка, и этому способствовало немало появленіе толковыхъ рецептовъ всѣхъ тѣхъ неисчислимыхъ и разнообразныхъ блюдъ, которыя подавались при Дворѣ. Впослѣдствіи эти рецепты составили цѣлую книгу, которая была названа „Le Cuisinier Imperial". Эту книгу послѣ паденія Имперіи замѣнилъ „Le Cuisinier Royal", впервые изданный во время царствованія Людовика XVIII. Теперь этотъ изящный томикъ—большая рѣдкость. У меня когда-то былъ одинъ экземпляръ, но въ переѣздахъ онъ затерялся и теперь я не могу достать его ни за какія деньги.

Людовикъ XVIII былъ большимъ обжорой, онъ поѣдалъ одинъ за своимъ завтракомъ восемнадцать котлетъ изъ молодого барашка. Приготовлялись эти котлеты особымъ способомъ. Для того, чтобы сжарить одну котлету, жертвовали двумя. Три котлетки соединялись вмѣстѣ посредствомъ серебряныхъ щипцовъ и бросались въ жаровню, въ которой горѣлъ небольшой огонь изъ древеснаго угля. Двѣ [illegible] обугливались, но весь сокъ ихъ входилъ [illegible]



Новый отель, сооружаемый въ Парижѣ.

Прислуги вовсе не будетъ въ обѣденной залѣ, какъ и въ другихъ комнатахъ: всѣ услуги будутъ выполняться электрическими подъемками, телефонами, грѣлками, лампами, пылесосами, щетками и проч. У каждаго столика свой телефонъ и подъемникъ изъ кухни, дѣйствующій при нажатіи кнопки.

нихъ, которая находилась по серединѣ, и эту-то котлету, сочную, хорошо прожаренную, и подавали на королевскій столъ.

Нынѣ жаровни съ древеснымъ углемъ замѣнены газовыми плитами, котлеты зажариваютъ, какъ попало, и ѣдятъ ихъ только для того, чтобы насытиться. Кромѣ того, этотъ кусокъ молодого барашка поливается разными англійскими соусами, отъ которыхъ горло деретъ, или сдабривается кайенскимъ перцемъ и т. п.

Таковы были тѣ мысли и воспоминанія, которыми я подѣлился съ окружавшими меня людьми за столомъ въ тотъ вечеръ. Но благородный кулинарный языкъ не пробудилъ въ нихъ никакого лиризма. И это я объяснилъ себѣ тѣмъ, что у насъ не существуетъ твердо установленныхъ кулинарныхъ традицій...

Тѣмъ временемъ, какъ я говорилъ, обѣдъ закон[illegible]ся и мы перешли въ гостинную, гдѣ намъ подали [illegible]фе. Конечно, появились неизбѣжные сахарные щипцы, [illegible]рые люди моего вѣка считаютъ необходимымъ [illegible]мъ чайнаго и кофейнаго сервиза. Но я помню [illegible] стараго французскаго маркиза, умершаго отъ остраго гатизма лѣтъ пять тому назадъ на 92 году [illegible]оей жизни—господа, не смѣйтесь, доживите только до его возраста—который каждый разъ, когда ему подавали щипцы для сахара, бросалъ ихъ на полъ, и, опуская два пальца въ сахарницу, провозглашалъ:

„De mon temps on se lavait les mains...“

И онъ былъ совершенно правъ.

Но нѣкоторыя усовершенствованія нашего времени меня все таки плѣняютъ. Такъ, напримѣръ, хозяинъ того дома, въ которомъ я обѣдалъ, имѣлъ у себя погребецъ для сигаръ. Этотъ погребецъ въ видѣ небольшого несгораемаго шкафа или, точнѣе, холодильника, обложенный изразцами, былъ ему присланъ въ подарокъ однимъ американскимъ милліардеромъ. Въ немъ сигары прекрасно сохранялись, оставаясь всегда свѣжими и ароматичными. Конечно, такой приборъ куда лучше и практичнѣе тѣхъ примитивныхъ горшковъ изъ глины, въ которыхъ сохраняются и понынѣ разные „Хойи“ и „Флоры“ у аристократовъ-испанцевъ или богатыхъ плантаторовъ Гаванны. Но принципъ одинаковъ: сигара должна быть сырая, и человѣка, подносящаго съ видомъ знатока къ своему уху сигару для того, чтобы провѣрить не хруститъ ли она, такого человѣка слѣдуетъ изгнать изъ общества порядочныхъ людей...

Ник. Брянчаниновъ



Mr. Joseph Chamberlain —

„джентльмэнъ съ орхидеей“, какъ зовутъ его въ Англіи. Каждый день у него въ петлицѣ свѣжая орхидея той или иной разновидности, но обыкновенно рѣдкая. Эта орхидея обходится Чемберлэну около 200.000 руб. въ годъ!.. Цифра поражающая, но совсѣмъ не такая страшная для людей, доходы которыхъ исчисляются милліонами. Всего на-днихъ одинъ англичанинъ купилъ у другого нѣсколько кварталовъ въ центрѣ Лондона и заплатилъ чекомъ... на 300 милліоновъ рублей.

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

— „Прихожу сегодня къ баронессѣ, не узнаю комнат[illegible] зелено-бураго модерна съ желтыми цвѣтами—будуар[illegible] дерева, чистый александровскій ампиръ... Люстра, ковр[illegible] рамы картинъ—все новое“.

— „Да, модернъ и декаденщина быстро всѣмъ надоѣл[illegible]“

— „А напрасно! Въ модернѣ много было красиваг[illegible]“

— „Этотъ стиль сталъ слишкомъ быстро всѣмъ доступен[illegible] потому его такъ и испортили“.

— „Англичане и здѣсь остались [illegible] меньше всѣхъ поддались увлеченію декадентствомъ; зато н[illegible] эти раса современнаго міра—захлебывались отъ [illegible] своихъ вычурныхъ выкрутасахъ мебели и архитектур[illegible]“

— „Это правда, только зачѣмъ вы сами говорите такими [illegible]крутасами“...

Мы уже писали о любительскомъ спектаклѣ, данномъ на квартирѣ морского атташе французскаго посольства, лейтен. Галло (повторенномъ у пом. воен. атташе того же посольства, Берлэна. Вотъ декорація одной изъ пьесъ „Безумство Пьерро“, музыка и слова Галло.

Все показано было на экранѣ тѣнями (китайскія тѣни).





Балъ blanc et noir у граф. Ел. Влад. Шуваловой.

Костюмированный балъ у графини М. Эд. Клейнмихель.

Въ центрѣ Е. И. В. Великій Князь Павелъ Александровичъ, рядомъ съ нимъ Е. В. Принцъ Петръ [illegible] въ группѣ дамъ: граф. Г. В. Шувалова, граф. М. Эд. Клейнмихель, граф. Дона-Шлобиттенъ, кн. Трубец[illegible] того, среди присутствующихъ: граф. Крейцъ рожд. Пистолькорсъ, графъ Дона-Шлобиттенъ, К. К. [illegible] Фредерици, А. П. Половцовъ, графъ Старженскій, князь Багратіонъ, графъ Тотлебенъ, Нидерл. посланникъ [illegible] Граббе, графъ Д. М. Граббе, генералъ Кауфманъ, генер.-адъют. Николаевъ, м-ль Раевская (фрейлина) г. [illegible]

ЗИМА ВЪ ГОРАХЪ ТИРОЛЯ И ВЪ ЕГИПТѢ.



Зимній спортъ въ Тиролѣ.—На лыжахъ за лошадью.

ЗИМНІЙ СЕЗОНЪ ВЪ КАИРѢ.

Въ нынѣшнемъ году сезонъ въ Каирѣ, благодаря господствующимъ холодамъ на французской и итальянской Ривьерѣ, а также продолжительному пребыванію въ египетскихъ водахъ средиземныхъ эскадръ великихъ державъ,—въ томъ числѣ и русскихъ военныхъ судовъ,—особенно многолюденъ и оживленъ.

По обыкновенію центромъ веселящагося и спортивнаго Каира является островъ Гезирэ и его великолѣпная гостиница „Ghezireh Palace", бывшая резиденція Измаила-паши, постройка которой стоила этому расточительному человѣку нѣсколько милліоновъ. Она была мѣстопребываніемъ Наполеона III и императрицы Евгеніи, когда они пріѣзжали въ Египетъ на открытіе Суэцкаго канала.



Зимній спортъ въ Тиролѣ.—Хоккей на льду.

„Гезирэ Паласъ" продолжаетъ попрежнему притягивать туристовъ и членовъ европейскихъ колоній въ Каирѣ, главнымъ образомъ, своими чудными садами и великолѣпными залами, обращенными нынѣ въ столовыя, билліардныя, читальни и пр. Въ этой гостиницѣ устраиваются нѣсколько разъ въ недѣлю „small dances", на которыхъ всегда присутствуетъ „la fine fleur" офицеровъ англійскаго гарнизона, каирскаго общества и зимующихъ европейцевъ.

Подъ Новый Годъ въ залахъ „Гезирэ Паласъ" былъ данъ блестящій и многолюдный балъ, но „вчера былъ балъ, а завтра будетъ два" и объ этомъ прошедшемъ балѣ уже начинаютъ забывать въ ожиданіи нѣсколькихъ новыхъ баловъ.

Другія каирскія гостиницы, клубы и военныя собранія въ свою очередь соперничаютъ между собой въ устройствѣ раутовъ, танцовальныхъ вечеровъ и любительскихъ спектаклей. Среди всѣхъ этихъ свѣтскихъ развлеченій любители спорта находятъ, однако, достаточно времени, чтобы предаваться любимому ими занятію. На островѣ Гезирэ существуютъ прекрасно оборудованныя „tennis grounds", мѣста для игры въ поло, а по близости находятся даже довольно сносные „links" для любимаго англичанами гольфа.

Не существуетъ только зимняго спорта, но нѣкоторыя прелестныя и отважныя американскія миссъ устраиваютъ снѣжныя горы въ... самомъ „Гезирэ Паласѣ"! Обыкновенно, это дѣлается такъ. Въ этой гостиницѣ, есть высокая великолѣпная лѣстница изъ розоваго мрамора, ведущая изъ апартаментовъ перваго этажа въ громадный „hall", предшествующій столовымъ. И вотъ, практичныя американскія миссъ превратили эту драгоцѣнную лѣстницу въ своего рода ледяную гору, по которой онѣ спускаются, сидя... на большихъ подносахъ. Неизвѣстно, сколько попортили онѣ такимъ образомъ подносовъ, но уже теперь замѣтны на чудной мраморной лѣстницѣ многочисленные слѣды этого своеобразнаго пользованія ею.

Кромѣ самаго Каира, свѣтская жизнь не умолкаетъ и въ сосѣднихъ съ нимъ курортахъ. Особенно моднымъ мѣстомъ стала климатическая станція Геліополисъ, расположенная въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Каира среди песковъ и дюнъ близлежащей пустыни.

Геліополисъ окончательно затмилъ сродный ему курортъ Гелуанъ, куда ѣздятъ нынѣ исключительно люди больные и гдѣ, какъ и прежде, не мало бываетъ русскихъ, страдающихъ болѣзнью почекъ и чахоткой.

Но Геліополисъ не знаетъ, или по крайней мѣрѣ дѣлаетъ видъ, что не знаетъ, болѣзней. Тамъ царствуетъ одна радость жизни, и одно веселье, проявляющееся во всевозможныхъ видахъ, включая даже и охоту на шакаловъ въ лунныя январьскія ночи. Эти охоты, главнымъ образомъ какъ тренировка, устраиваются молодыми англичанками и американками наканунѣ ихъ поѣздокъ въ англо-египетскій Суданъ и еще южнѣе, въ Уганду, на охоту на крупнаго звѣря (big game).



„Ghezireh Palace Hotel".
Общій видъ и часть сада.

Вошли также очень въ моду ночныя поѣздки на осликахъ къ гробницамъ калифовъ, и экскурсіи, и пикники въ близъ лежащій Мемфисъ, гдѣ свѣтскіе люди между двумя наглядными уроками египетской археологіи и исторіи, завтракаютъ вокругъ лежащаго колоссальныхъ размѣровъ Озириса, превращая его каменное, заплѣснѣвѣвшее тѣло въ столъ для „lunch'a".

Бѣдный Озирисъ! Счастливыя американскія миссъ!

Глобтротеръ.

Къ статьѣ „Зимній сезонъ въ Каирѣ“.



„Ghezireh Palace Hotel“.
Входъ въ ресторанный залъ и столовыя.



Видъ на „Menha House Hotel“ (вблизи Каира, около знаменитаго сфинкса) съ высоты пирамиды Хеопса.

Я ЖДУ, Я ЖДУ...

Я жду, я жду тебя
Улыбка вдохновенная
Судьбы. Хочу любя
Обнять тебя, вселенная...
Чтобъ счастьемъ чаша сирая
Наполнилась моя,
Чтобъ вволю наслаждался я
Дарами бытія!
Прости судьба всесильная
Невѣрности мои,

Склонись ко мнѣ умильная
Открой пути свои!..
Благому часу вѣрую
Прильну какъ къ божеству,
Склоню главу покорную
И, рабъ твой, оживу...
Не пожалѣй участія
Судьба моя, о дай,
О дай мнѣ вволю счастія,
Любви, земного рай.

Л. Л. Толстой.

ШАХМАТЫ.

А. А. АЛЕХИНЪ.

Побѣдитель недавно окончившагося въ С.-Петербургскомъ Шахматномъ Собраніи Всероссійскаго шахматнаго турнира маэстро — и въ силу этого, участникъ военнаго международнаго чэмпіонъ-турнира тамъ же — Алехинъ, сынъ воронежскаго предводителя дворянства и члена Гос. Думы, родился 19-го октября 1892 г. въ Москвѣ, Воспитанникъ Училища Правовѣдѣнія.

Увлеченіе А. А. Алехина шахматами весьма недавнее: какихъ нибудь семь лѣтъ назадъ впервые онъ принялъ участіе въ одномъ гамбитномъ турнирѣ, гдѣ и завоевалъ первый призъ. Это ввело его въ составъ игроковъ I категоріи Московскаго Шахматнаго кружка, въ турнирѣ которыхъ онъ въ 1907 г. оказался на четвертомъ мѣстѣ. Полученіе приза на слѣдующій годъ въ такомъ же турнирѣ расширяетъ его дѣятельность, и онъ ѣдетъ за границу, гдѣ въ 1909 г., замѣченный игроками и многими журналами, беретъ V призъ въ любительскомъ турнирѣ въ Дюссельдорфѣ, дѣлаетъ въ ничью матчъ съ маэстро Фарни (+1 — 1 = 1) и обыгрываетъ въ матчѣ стараго маэстро фонъ-Барделебена (+1 — 1). Побѣдивъ съ такимъ же результатомъ въ Москвѣ одного изъ ея лучшихъ игроковъ, Блюменфельда, А. А. Алехинъ участвовалъ въ 1909—1910 гг. въ Всероссійскомъ турнирѣ любителей, устроенномъ С.-Петерб. Шахм. Собраніемъ и здѣсь получилъ первый призъ — роскошную вазу, пожертвованную Государемъ Императоромъ — а съ нимъ вмѣстѣ и званіе „маэстро“. Отсюда его успѣхи идутъ, быстро повышаясь: въ 1910 г. онъ беретъ **VI—VIII** пр. на международномъ турнирѣ въ Гамбургѣ; въ 1911 г. на такомъ же, но гораздо болѣе многочисленномъ по составу, турнирѣ въ Карлсбадѣ получаетъ VII—XI пр.; въ 1912 г. первый призъ на турнирѣ въ Стокгольмѣ, въ 1913 г. выигрываетъ матчъ (+7—3) у С. М. Левитскаго и беретъ первый призъ въ турнирѣ въ Шевенингенѣ; оказывается на первомъ и второмъ мѣстѣ въ четвертомъ турнирчикѣ С.-Петерб. Шахм. собранія, наконецъ, теперь является побѣдителемъ Всероссійскаго турнира маэстро.

Уже одно перечисленіе этихъ успѣховъ, ихъ быстрый ростъ съ достаточной убѣдительностью показываютъ, что въ лицѣ А. А. Алехина русскій шахматный міръ имѣетъ выдающагося представителя. Разсмотрѣніе же его партій убѣждаетъ, что и на широкой шахматной аренѣ ему обезпечены первыя мѣста. Сила его игры не въ прямой атакѣ и не въ ясно выраженной защитѣ. Гораздо рѣзче проявляется его дарованіе въ сложныхъ положеніяхъ, гдѣ онъ имѣетъ инициативу, особенно же, гдѣ онъ можетъ незамѣтно для противника подготовить длиннѣйшую комбинацію. Скрытый далекій расчетъ — вотъ главное его орудіе, грандіозное напряженіе воли — вотъ основа его игры...



Евг. А. Зноско-Боровскій.



Снимокъ во время бала у Конст. Маковскаго.

Балъ въ Женскомъ Патріотическомъ Институтѣ въ день 100-лѣтія основанія.

Группа воспитанницъ института и приглашенныхъ — воспитанниковъ Пажескаго корпуса, Правовѣдѣнія, Лицея и другихъ учебныхъ заведеній. Направо съ краю—Почетн. Опек. ген.-лейтен. М. И. Ушаковъ.

Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ. СПБ. Звенигородская 11.

Редакторъ-издатель **Вл. Крымовъ.**

Первый № отпечатанъ двумя изданіями и полностью разошелся.

Хотя 2-го января было объявлено, что подписка принимается только безъ № 1, но, въ виду многихъ запросовъ, первый № будетъ отпечатанъ еще однимъ изданіемъ и разосланъ всѣмъ подписчикамъ.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

Журналъ „КРАСИВОЙ ЖИЗНИ".

Журналъ посвященъ свѣтской жизни нашихъ столицъ, спорту, охотѣ, коллекціонерству и, особенно, жизни русской усадьбы въ ея прошломъ и настоящемъ.

Двухнедѣльный журналъ совершенно новаго въ Россіи типа; по образцу англійскихъ.

Художественное изданіе на лучшей мѣловой бумагѣ, со многими иллюстраціями; картины и карикатуры въ краскахъ въ каждомъ нумерѣ.

Журналъ печатается въ лучшей худож. типогр. въ Россіи „Голике и Вильборгъ".

Подписка на ГОДЪ: въ Петербургѣ . . . . . **11** руб. **50** коп.
въ Россіи . . . . **12** руб. **50** коп.
за границей . . . . **40** франк.

Отд. №—75 коп., съ перес.—1 руб.

Выписавшимъ изъ редакціи для ознакомленія отд. № при подпискѣ скидка 75 коп.

Отдѣльн. нумера у газетчик. не продаются—только въ больш. книжн. маг. и въ кіоскахъ жел. дор.

Подписка принимается—Спб.: 1) въ редакціи, Каменноостр., 59, тел. 211-76, 2) Невскій, 52, контора „Нов. Врем." и „Веч. Врем.", 3) въ больш. книжн. магаз. въ Спб., Москвѣ и провинціи.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Всѣ газеты ведутъ хронику несчастныхъ случаевъ, никто не пишетъ о счастливыхъ моментахъ жизни.

Жизнь полна плохого; печальнаго гораздо больше, чѣмъ веселаго, но есть же и хорошее, красивое;—объ этой красивой жизни писать не принято...

У насъ печатаютъ портретъ интереснаго человѣка, его домъ, его изящныя вещи, пишутъ объ укладѣ его жизни только тогда, когда онъ умретъ, попадетъ въ крушеніе поѣзда или въ судебный процессъ! Еще такое право дастъ выступленіе въ общественныхъ дѣлахъ, но не всѣ же интересные люди работаютъ въ этой области, есть и другіе.

Заграничная печать—особенно въ странѣ самой совершенной культуры, въ Англіи—давно уже отступила отъ этого принципа. Въ англійскихъ газетахъ пишутъ не только некрологи, пишутъ также о радостномъ рожденіи, о помолвкахъ, балахъ, охотахъ и т. д.

Радостнаго такъ мало въ жизни, что его, казалось бы, надо подчеркивать, какъ можно больше говорить о немъ.

Недавнее русской усадьбы. съ ея своеобразной жизнью, уходитъ въ прошлое. Мѣняется быстро и жизнь города, многое становится лучше, а иного жаль... Сколько погибло произведеній искусства, вдохновенія человѣческой мысли, благородныхъ традицій, красивой старины въ тѣхъ старыхъ усадьбахъ, въ домахъ, даже въ отдѣльныхъ предметахъ, которые разрушены уже временемъ или самимъ человѣкомъ.

Красивая жизнь доступна не всѣмъ, но она все-таки существуетъ, она создаетъ тѣ особыя цѣнности, которыя станутъ когда-нибудь общимъ достояніемъ. Хотѣлось бы запечатлѣть эти черточки русской жизни въ прошломъ, рисовать постепенно картину того, что есть сейчасъ, что осталось, какъ видоизмѣняется, подчеркнуть красивое въ настоящемъ.

Эту задачу ставитъ себѣ редакція.

Всякая политика, партійность, классовая рознь будутъ абсолютно чужды журналу.

Редакторъ **Вл. КРЫМОВЪ.**